Тайна речного тумана

Автор:
Алексей Мальцев

Тайна речного тумана

Алексей Мальцев

Чисто медицинское убийство

Захватывающие истории на фактическом медицинском материале, написанные практикующим доктором.

Юбилейная встреча выпускников Медицинской академии на круизном теплоходе обещала быть радостной. Тосты, здравицы, воспоминания… Но вскоре выяснилось, что за видимым радушием и общим весельем кроются давнишние обиды и отвергнутые чувства. Хирург Петр Фролов, считающийся в компании самым прозорливым, чувствует, что одними претензиями дело не кончится. Беда не заставила себя ждать – в ночь после банкета происходит жестокое убийство. На теплоходе тихая паника. Кажется, старые счеты сведены и бояться больше нечего. Но неожиданно выясняется, что убит совершенно посторонний человек и, значит, кошмар продолжится…

Алексей Мальцев

Тайна речного тумана

© Мальцев А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Карты, тату и гитара

– Первый тост за альма-матер! – объявил поднявшийся с бокалом Лева Матарас, раньше всех облысевший и больше всех округлившийся. – Нам, коллеги, я считаю, повезло с профессурой… Со школой диагностики, с тем же Институтом сердца… И наши учителя нам действительно кое-что дали. Реально!

– Не кое-что, а все, что могли, – привычным жестом поправив очки, вставила бывшая староста потока, угловатая и нескладная Алена Чубак. – Будем называть вещи своими именами, Левчик!

– Вот именно, – кивнул Матарас, бросив на нее одобрительный взгляд и послав воздушный поцелуй. – А если что-то и недодали, то научили, как нам это взять самим. Скажем им искреннее «спасибо» и отвесим низкий поклон…

Петр Фролов разглядывал лица бывших однокурсников и думал, что эта встреча, посвященная 15-летию окончания вуза, – неплохой луч света в бесконечной врачебной рутине из вызовов, бессонницы, писанины, подключичных инъекций, интубаций[1 - Интубация – введение в трахею дыхательной трубки для вентиляции легких.]. Как не хочется снова туда окунаться! Пока есть шанс – надо оттягиваться по полной!

Он, пожалуй, единственный из присутствующих врач «Скорой», где начал работать, еще будучи студентом. Конечно, профессура в вузе дала им все, что надо, даже больше, но… Это была теория, а практику он познал, что называется, в деле, еще на четвертом курсе, когда фельдшером начал мотаться по вызовам. И эта разница между теорией и практикой выпирала порой настолько, что он, случалось, вставал на лекциях и спорил с профессором.

У преподавателя по фармакологии была привычка: если рецепт на занятии выписан неправильно, он ставил «неуд» и приписывал внизу «больной умер». Петр без зазрения совести подходил к ассистенту кафедры и бесстрашно бросал в лицо: «А у меня выжил сегодня ночью и сейчас живет! Могу назвать, в какой больнице, я отвез его туда». Против практики не попрешь! За подобные выходки преподаватели его недолюбливали, все это выливалось в тройки на экзаменах, хотя знал Петр предмет на «пять».

В общем, особенные были с профессурой у него отношения, что и говорить, но выпить за альма-матер – святое дело.

Встреча проходила в ресторане шлюпочной палубы теплохода «Хирург Бекетов», плывущего по маршруту выходного дня вверх по Каме.

Все изменились за пятнадцать лет. Кто-то защитился, кто-то бороду отпустил, кто-то женился, кто-то даже умудрился бросить медицину.

У каждого свои достижения. Петр, к примеру, успел развестись. Правда, бывшая жена Элла, работавшая участковым терапевтом, перед самой встречей вдруг подкатила с предложением изобразить супружескую пару, чем не на шутку его смутила.

– Как ты не понимаешь, у нас была студенческая свадьба, Фролов, прикинь, – лепетала она накануне вечером по сотовому, – скажи мы им правду, сколько сразу вопросов посыплется: что да почему? Тебе это надо? Мы как бы… на виду.

– Ты думаешь, они не знают?

– Нет, конечно, откуда? Мы полгода как развелись. У всех свои проблемы, дела, заботы. Не до нас им было.

Сейчас Элла сидела рядом, заливисто смеялась над шутками известного хохмача Мишки Трегубова. Отработав в поликлинике положенный срок интернатуры, Михась прошел специализацию по мануальной терапии и засел в одном из санаториев края.

– Тепло, светло и мухи не кусают, – сообщил он заговорщицки после очередного тоста. – Это как раз по мне. О большем не мечтаю. А насчет того, что зарплата невысокая, так есть такое понятие, как шабашки.

– С шабашек, как известно, пенсия не начисляется, – возразил ему гинеколог Серж Гамаюн. – Это черная зарплата, по сути. Выпил пару раз, и можно забыть.

– Можно выпить, а можно и в банк положить под проценты… Что касается пенсии, я до нее вряд ли доживу, – парировал Михась, потянувшись за гитарой. –

Столько воды утечет к тому времени! Мужики, помните нашу… корпоративную…

И под нехитрые аккорды затянул:

Мне по душе февральские метели,

Пожалуй, со студенческой скамьи…

Когда мы соберемся, в самом деле,

Седые однокурсники мои?

Когда наполним звонкие фужеры,

Как в юности, смыкая тесный круг

Хирургов, терапевтов, акушеров,

И главврачей, и докторов наук…

Песенку поначалу поддержали, однако больше слов никто не помнил, поэтому гитару пришлось отложить.

Петру вспомнился стройотряд после первого курса. Лучше Михася никто не играл на гитаре, и в карты ему равных не было. Базировались они тогда в Катырево – на севере области, вокруг сплошь зоны и спецпоселения. Трегубов один раз на спор «раздел» в «очко» признанного каталу, чем заслужил авторитет не только среди однокурсников, но и среди поселенцев.

Помнится, в тех местах Михась свободно мог сойти за своего: восточная внешность, привычка бриться наголо и куча татуировок на руках – ну чем не бывалый урка, только что откинувшийся с зоны?

Тату и сейчас цепляли глаз, отвлекали, мешая сосредоточиться. Петр представил Трегубова в костюме мануальщика с коротким рукавом и понял, что на прием к такому доктору лично он бы не пошел.

– Не знаю, – снисходительно улыбаясь, заметил Серж. – По-моему, работа в санатории – жуткая скука. Она в основном для бабушек предпенсионного возраста. Кому для стажа не хватает совсем чуть-чуть.

– А где еще, скажи, есть возможность бесплатно прокатиться судовым медиком на теплоходе до того же Питера? До Астрахани? До Москвы? Вот тебе и скука, Серега… Ты не прав! – пустился в возражения Трегубов, пытаясь зацепить с тарелки ломтик маринованного лука. – А сейчас я вам опишу случай, который был недавно. Если кто-то после этого скажет, что у нас скука… Прошу тишины! Короче, у нас в санатории есть сауна с бассейном, которые пользуются большой популярностью. Вы слышали, наверное…

– Ты в этой сауне делаешь массаж каким-нибудь… эмансипированным мадамам, – иронично вставила староста Алена Чубак. – Конечно, это скукой никак не назовешь, тут я с тобой полностью согласна. Имею представление.

– Вы хотите услышать историю? – обиженно загундосил Михась. – Так слушайте! Короче, прибегает ко мне на днях банщица с бледным, как кефир, лицом. Губы трясутся, на лбу – испарина. Михаил Афанасьевич, у меня, говорит…

– Так ты у нас Афанасьевич? – чуть не подавился куском баранины Серж. – Как Булгаков, значит. Как я тебе завидую… А в вузе помалкивал, скромняга!

– Завидовать потом будешь, когда дослушаешь до конца, – вмешался Петр, чувствуя, что история вот-вот прервется окончательно. – Дайте рассказать человеку.

– У меня, говорит, в сауне труп. Мне что делать? Хватаю фонендоскоп, тонометр – и за ней следом. Забегаем в парилку – лежит на верхнем полке черный как смоль, высушенный, как мумия, мужик. Сухой, твердый – со вчерашнего вечера в парилке, прикидываете?

– Обычное дело, – вклинился на этот раз в повествование Петр. – Острая коронарная смерть, наверняка выпили накануне… Нас вызывают иногда на такие случаи – чтобы констатировать.

– Я про мумифицирование помню только из вузовских лекций, – продолжал возбужденно Михась. – Что в жарких странах с сухим климатом такое случается иногда. Ткани трупа становятся сухими, легкими и твердыми. Мумия, короче. А тут, представляете, наяву столкнулся.

– Так что же произошло? – потребовали наперебой продолжения однокурсники. – Почему никто помощь не оказал?

– Все и смешно, и печально одновременно, – опрокинув стопку и закусив кусочком селедки, продолжал Трегубов. – Вечером компания из трех человек веселилась в номере, выпили прилично. Захотелось поплавать в бассейне. Пьяному море по колено, сами знаете. Заплатили дежурной медсестре. Взяли ключ от сауны. Потом что-то у них не сложилось, рассорились. Да так круто, что двое вернулись в номер, а потом вообще отправились домой.

– Погодь, погодь, – замахал рукой Матарас. – Ключ от сауны должен находиться, насколько я понимаю, у дежурной медсестры. На худой конец, у вахтера. Ответственные должны беспокоиться, проверять, контролировать…

– Должны, – закивал Трегубов, – ты все правильно понимаешь. Здесь налицо нарушение инструкции. Короче, этот… из трех… остался плескаться, в парилке ему стало плохо, отключился. Утром банщица приходит, предбанник открывает, видит одежду. Думает, кто-то из своих решил с утра взбодриться, поплавать, врубает температуру в парилке с шестидесяти до девяносто.

– Поджарила жмурика, значит, – усмехнулся кудрявый, очкастый, чем-то напоминающий жюль-верновского Паганеля патологоанатом Жора Рябухин. – Тоже мне, шашлык нашла… У вас не скучно, у вас опасно для жизни!

– Через пару часов заглядывает, – продолжал Михась, не обращая внимания на оппонентов, – одежда там же, она еще добавила. Короче, где-то в полдень, почуяв неладное, заглянула в парилку и… чуть рядышком не легла. Приехал паренек со «Скорой» для констатации, глаза квадратные, сам впервые видит такое.

– Меня во всей этой жутковатой истории, – Матарас даже привстал для убедительности, – интересует один непраздный вопрос. Как скоро после этого случая сауна вернулась в штатный режим? Уверен, что не сразу. Там, где побывал труп, париться и мыться, знаете ли…

– И опять ты прав, – одобрительно кивнул Трегубов. – После этого случая неделю в парилке никто не был, боялись заходить. Несмотря на санобработку. А потом – понеслось все по новой.

Тут все вразнобой стали рассказывать случаи из своей практики. Петр решил подождать, пока их запас слегка иссякнет, и постучал вилкой по рюмке, привлекая внимание:

– Вот у меня случай был… Совсем недавно, весной, в эпидемию гриппа.

– У нас «Скорая» уже на гриппозные вызовы выезжает? – тряхнув кудрями, вставил вопрос Рябухин. И сам же ответил на него: – Не дело это! Добром не кончится!

– Нам косвенно достается. Особенно в связи с реформой этой долбаной… Короче, представьте ситуацию: вызовов выше крыши, а тут одна бабка каждую неделю «мерцать»[2 - Мерцать – здесь жаргон – страдать мерцательной аритмией.] начала. Начитается газет, насмотрится разных ток-шоу… Плюс – в Интернете погуляет по соцсетям и ну выдавать пароксизм за пароксизмом[3 - Пароксизм – сбой ритма сердца.].

– У, какая продвинутая бабка, – заметила невролог Лизавета Хмельницкая.

– Про пожары в развлекательных центрах, – продолжил Петр, подмигнув Лизавете, – захваты заложников да авиакатастрофы разные. Ну, сердечко и соскакивало с ритма. В стационар ее увезешь, там за день ритм восстановят, к концу недели она снова дома, снова телик смотрит да газеты читает… Короче, требовалось сделать что-то радикальное, чтобы оборвать череду бабкиных мерцаний. Все на ушах от этой бабки уже были. И решил я привлечь к делу старую забытую психотерапию.

Настала очередь возмущаться Матарасу:

– Какую? Старую? Забытую? Да она моложе всех других специальностей и дисциплин, вместе взятых. Она – девушка на выданье! Девственница, можно сказать!

На Матараса зацыкали, и он вскоре умолк, а Петр, отправив в рот порцию салата, продолжал:

– Приехал к ней на вызов с пакетом, перевязанным красной атласной ленточкой. Лестничная площадка пропахла корвалолом. Обстановочка еще та… Вхожу, как маг и волшебник. Ну, приступ сняли на второй инъекции новокаинамида…

– Свечи зажег, помахал павлиньими перьями, – не унимался Матарас. – Благовония всякие распылил по квартире.

– Вы, говорю, Прасковья Антипьевна, по гороскопу Овен, значит, и охранять вас будет планета Марс, бог войны. Распаковал пакет, а там оказался армейский ремень. Продырявил его в нескольких местах, магические крестики накорябал. Говорю, не снимайте ни при каких обстоятельствах, наденьте на голое тело, и приступов больше не будет. Она вся затрепетала, прониклась торжественностью момента, надела, и приступов больше не было.

– Дешевый трюк, кстати, – вставил Матарас. – Я бы придумал что-нибудь более оригинальное. Типа заклинания племени Тхапуту.

На него снова зацыкали.

– Концовка у этой истории печальная, – подытожил Петр. – В апреле как-то в некоторых домах отключили воду, и направилась наша Прасковья Антипьевна в баню.

– Как? – вскрикнул Серж. – И здесь баня? Не может быть. Неужто опять со жмуриком? Прямо банно-прачечный криминал какой-то. Вы сговорились, что ли?

– И в бане бабушка сняла ремень, – обреченно продолжал Петр, чувствуя нарастающее раздражение. – Не будет же она в нем мыться. А не следовало этого делать. Без ремня, как нам рассказали те, кто ее видел, она прожила буквально несколько секунд. Вызвали нас… Я ехал и словно чувствовал – сердце было не на месте. Приезжаем, а она лежит поперек женской раздевалки.

– Вот вам сила психотерапевтического внушения, – подчеркнул Левчик Матарас, наполняя свою рюмку. – А Петро не до конца прочувствовал всю ответственность, которую на себя возлагает. Отнесся халатно, так сказать… В результате чего бабка пострадала.

– Ты убил бабку, – заметил патологоанатом Жора Рябухин. – Убивец! Ты ее фактически мне на стол положил! Надо было предусмотреть все варианты развития событий.

– Что вы накинулись на него! – встала на защиту бывшего мужа Элла. – Все варианты предусмотреть невозможно. Бабка сама сняла ремень, и точка! Зато на несколько месяцев «Скорая» получила передышку.

Карман чужого плаща

Матарас припомнил следующий случай из практики, вновь сконцентрировав внимание на себе. Взрыв женского смеха, последовавший буквально через пару минут, свидетельствовал, что и этот рассказ пришелся аудитории по вкусу.

Лишь один человек не участвовал в этом круговороте веселья, в какофонии эмоций и воспоминаний.

Глеб Царегородцев по прозвищу Царь. Высокий, нескладный, с выдающимся греческим носом, он и в институте всегда немного дистанцировался от тусовок, слыл молчуном и отшельником. Отвечал невпопад. Когда все падали от смеха, искренне недоумевал, отчего так весело. Что другие обычно схватывали на лету, он просил разжевать и прояснить. Как говорили тогда на кафедре патанатомии – препарировать. Эта странность ничуть не помешала ему стать оперирующим урологом высшей категории.

– Что он здесь делает? – недоумевала Элла. – Так тоскливо посидеть за фужером он мог и дома, не платя этих денег. Или урологи сейчас много зарабатывают? Как к такому… йети люди вообще на прием приходят, как доверяют свои интимные подробности?

– Как вы жестоки, Элла Леонидовна! – с иронией заметил Петр. – Может, как специалист он выше всяких похвал. И сейчас, на празднике воспоминаний, отказываете коллеге в удовольствии посидеть среди однокурсников, послушать тех, с кем когда-то учился. Ну и что, что не участвует, не хохочет до колик? Ну и что, что молчалив? Мы разные, поэтому и не вымерли от однообразия до сих пор.

– Да, мы разные… – загадочно протянула бывшая супруга. – Кто-то оперирует, кто-то треплется перед аудиторией, кто-то убивает, кто-то насилует… Ты прав, мы все разные. Двух одинаковых не найти.

– Я не это имел в виду, – попытался оправдаться Петр, в планы которого не входило ссориться.

– Знаю я, что ты имел в виду, – перебила Элла. – Ты в курсе, что у Царя на уме сейчас? Может, он вынашивает план убийства?

– Ты прямо как НКВД. Если кто не шагает в ногу со всеми, значит, враг.

Элла собралась что-то возразить, но в этот момент поднялся со своего места гинеколог.

– Мужики, кто со мной покурить? – предложил он. – Обсудим первые впечатления, заодно наметим планы на вечер, распределим роли.

– Что? Ты уже сценарий написал? – внезапно поинтересовался молчавший до этого Глеб. – И какую же роль ты предложишь мне? Колись, я должен порепетировать.

– Обижаете, Царь-батюшка, – мгновенно сориентировался «сценарист». – Трон по-прежнему ждет вас, палаты убраны, дьяки и придворные тверезые…

Кто-то захохотал, а Петр почувствовал, что ему не хватает прохлады, и поднялся. Накинув плащ, вышел вслед за Сержем на палубу.

Признаться честно, общество гинеколога Петра не очень притягивало, когда-то все разговоры Гамаюна сводились исключительно к женщинам. Во время перерыва на любой из лекций вне зависимости от дисциплины и темы он мог тебя перебить горячим шепотом: «Глянь, какие ягодички мимо фланируют, к ним бы мои ладошки добавить, уж я бы не терял времени даром! А там, смотри, какой лобок выпирает, сечешь? Никакими джинсами не скрыть».

Кареглазый брюнет с аккуратными усиками и бакенбардами, он нравился почти всей женской половине курса. Ему бы эполеты да гусарский мундир – получился

бы вылитый поручик Ржевский.

И сегодня, надо отдать должное, именно Серж обеспечил двухпалубный теплоход с комфортабельными каютами по очень демократичной цене.

– По-моему, все идет нормально? – поинтересовался Серж, угощая Петра сигаретами. – Главное, чтобы не нахрюкались раньше времени.

– А и нахрюкаются, так каюты под боком, сразу баиньки.

– Стоило встречаться с однокурсниками, чтобы сразу баиньки?! Петро, где твоя былая романтика?

Петр затянулся, выпустил дым и спросил о том, что его действительно интересовало:

– Ты лучше скажи, каково это – пятнадцать лет гинекологом? Смотреть тридцать раз за прием туда, куда нормальному мужику вообще смотреть не полагается. Как после этого на жену-то?

– Ну, во-первых, поэтому я и не женюсь. Нет жены – нет проблемы. Все заработанное трачу исключительно на себя, любимого, – с этими словами Серж поправил на левом запястье дорогие швейцарские часы.

Лишь однажды Петр видел точь-в-точь такую же модель у известного нефтяного магната. Тележурналисты тогда озвучили цифру – то ли десять, то ли пятнадцать тысяч евро.

– А во-вторых что? – скользнув взглядом по часам, поинтересовался Петр.

– Во-вторых, не только я туда смотрю, есть еще… не менее глазастые. Взять того же Царя Глебушку. Представляешь, приходит ко мне одна… после его осмотра… ресницы до пола, педикюр… Болтливей Матараса раза в два, кстати. И ну рассказывать, как она очаровала нашего Глебушку.

– И как же?

– Так очаровала я его, доктор, что он меня… – Серж оглянулся по сторонам и продолжил вполголоса: – …Что он меня без перчаток посмотрел. А это, между прочим, приравнивается к интиму во время приема, – глубокомысленно изрек Серж и, заметив вышедшую покурить однокурсницу, извинился и отошел к ней.

В этот момент Петр нащупал в кармане какую-то бумажку. Вытащил, развернул и поначалу ничего не понял. «Th10» означало 10-й грудной позвонок. Но откуда у него в кармане взялась эта запись? Он точно помнит, что ничего подобного в карман не засовывал. Пошарил по другим карманам. Ключей от машины и сигарет не было! А что, если он перепутал плащ? Хозяин сейчас не найдет своей одежды на прежнем месте, выйдет на палубу и… Вот будет кадр! Это ж надо так нахрюкаться!

Он так ушел в свои размышления, что не заметил, как к нему подошел Жора Рябухин. Когда тот положил ему руку на плечо, Петр вздрогнул. Лишь разглядев рыжеватые кудри, успокоился. Над самым ухом прозвучало:

– Ты все еще не бросил эту дурацкую затею?

– Ты курево имеешь в виду? – уточнил Петр. – Не бросил, но собираюсь. Я на пути к исцелению. Не совсем безнадежен.

– Знаешь, как выглядят бронхи заядлого курильщика на вскрытии?

– Знаю, не надо мне повторять прописных истин. Уверен, ты видишь это каждый день.

Петр знал, что о вреде курения Жора может говорить бесконечно. Еще со времен института. Чтобы не слушать лекцию заново, он выкинул сигарету за борт и поспешил в ресторан. Веселье продолжалось своим чередом, на вошедшего никто особо не посмотрел. Петр незаметно повесил плащ на прежнее место, нашел свой неподалеку, проверил, на месте ли ключи от машины, и вздохнул с облегчением.

Усевшись на свое место, задумался. Интересно, кто носит такой же плащ? И что это за бумажка с номером позвонка? Он вдруг обнаружил, что все еще держит ее в руке. Это уже воровство! По идее, надо бы вернуть ее в карман того самого плаща. Но кто его хозяин?

– Что-то мало покурил, – заметила Элла, прихлебывая красное вино из бокала. – Обычно дольше куришь.

– Все меняется, Элк… И ты тоже.

– Согласна, – заметила бывшая супруга, почему-то избегая смотреть Петру в глаза. – Вообще, что ты обо мне знаешь? Ну, после развода? Это для тебя – темный лес.

– А я должен? – грубовато поинтересовался он, тотчас мысленно обругав себя. – Я хотел сказать, откуда я мог узнать какие-либо подробности о твоей жизни? Мы же связь не поддерживали.

– Ты никогда не отличался тактичностью, – отрезала она, поставила на скатерть бокал и отвернулась.

Охотничий нож с подтекстом

Все внимание сидевших в этот момент было приковано к Матарасу и его очередному случаю из практики.

– …Представьте… Утирая слезы, она мне жалуется: ну почему, почему он меня бросил? Я ведь ему Пастернака читала! Цветаеву читала… А я ей: может, следовало Мандельштама? Так что, милые дамы, учтите. И Пастернак, случается, не помощник.

– Да, Лева, интересная у тебя профессия, – с ходу включился в разговор Серж, входя с палубы. – Утешать безутешных и покинутых дам. А случается так, что слов, какими бы утешительными они ни были, не хватает? Когда требуется что-то еще? Так сказать, конкретно-прикладное.

– Понял, куда ты клонишь, – нашелся тут же Матарас, вытянув ладонь в сторону гинеколога. – Здесь пальма первенства исключительно у тебя, я не претендую.

– Но меня может не оказаться рядом!

– Значит, бедняжка обречена на страдания. И вообще, психотерапевт нужен каждому, я подчеркиваю – каждому, – Матарас поднял вверх указательный палец. – На Западе это в порядке вещей.

– Что я слышу? Опять преклонение перед Западом!.. – взмахнул рыжей шевелюрой Жора Рябухин, но на него тотчас зацыкали: не мешай слушать, если тебе не интересно.

Буквально лоснящийся от женского внимания Матарас перешел к следующему случаю…

Петр перехватил взгляд Лизаветы Хмельницкой. Говорили, что она успела развестись, одна воспитывает дочь, работает невропатологом в поликлинике, ведет платный прием по вечерам.

Стройная, стильная, с шармом… Платиновая блондинка с обложки глянцевого журнала. И зачем он только согласился на авантюру Элки?!

Впрочем, все можно переиграть, он ни под чем не подписывался.

Петр захотел подняться, но почувствовал на своем плече мешок с песком. На самом деле это была ладонь Царегородцева.

– Есть пара минут для разговора? – прогудел басок над самым ухом, ладонь с плеча, однако, коллега убирать не спешил.

– Разумеется, светилам отечественной урологии всегда рад. Если ты так же простату шерудишь, как мне плечо давишь…

Петр мельком окинул танцующих. Элла медленно перетаптывалась в обнимку с Трегубовым. Надо же, а он и не заметил.

– Не боись, с ней я нежно обращаюсь. Второе сердце мужчины как-никак!

Светило урологии приземлилось на место Эллы, близко посаженные грязновато-зеленые глаза уставились на Петра.

– И где ты с ней нежно обращаешься? – спросил Петр, чтобы прервать повисшую паузу. – Оперируешь? На приеме? Я про тебя ничего не знаю.

– В тубдиспансере на ставку, беру ночные дежурства в областной, – пробубнил Глеб как о чем-то опостылевшем, при этом махнул рукой, мол, не отвлекай от главного. – Мне тут сорока на хвосте принесла, что у вас с Элкой того… Завяли помидоры. Насколько это верно, хотелось услышать из первых уст.

Петр мгновенно понял далеко идущие планы уролога и решил в корне пресечь подобные попытки:

– Уж полгода как разошлись, но на днях решили снова…

– Но пока не расписались? – невозмутимо гнул свое Царегородцев, играя желваками. – Зависла пауза, ведь так? Вы как бы свободны пока, в открытом доступе.

«Вот оно как, – замигало в мозгу, подобно зеленому сигналу светофора. – Плотная, однако, конкуренция. Почти очередь. Да, Элка, за этим ты будешь как за каменной стеной. За гранитной. Поздравляю!»

– Какая разница, – усмехнувшись, протянул Петр. – Если мы решили…

– Ты от ответа не уходи, – легонько стукнул по столу уролог. – Вы свободны официально? Так?

– Ну, получается, что так…

– Это я и хотел услышать. Поэтому официально я разрешения у тебя спрашивать не буду, чтобы ухлестнуть за твоей бывшей.

– Если она не против, – настороженно бросил бывший супруг. Но уролог его уже не слушал, он искал глазами Эллу среди танцующих.

Однако как все закручено!

Чтобы собраться с мыслями, Петр вышел на палубу, на этот раз – в своем плаще. Бумажку с номером позвонка положил во внутренний карман.

Странно… Еще вчера ему было все равно, ухаживает кто-то за его бывшей супругой, или она за кем-то… А сегодня желание Глеба Царегородцева «приударить» за Эллой вызвало в нем бурю негодования. Еле-еле сдержался. Выходит, осталось что-то еще от былой любви, от тех волнений и страстей.

Или все это не более чем отголоски семейного быта, привычек, которые, по сути, уже в прошлом? Полгода не виделись, потом потанцевали, вот и всколыхнулось ретивое… Как ни крути, принимать однозначное решение придется.

Каких-то пару часов назад, стоя на причале в ожидании приглашения на теплоход, Петр наблюдал, на каких авто подъезжают его однокурсники. Почти у каждого – иномарка. Все недовольны зарплатой, а укомплектованы – будь здоров. На какие шиши, спрашивается!

Проходящий в этот момент мимо него Лева Матарас бросил мимоходом:

– Не бери в голову, Петро, это все банковские автокредиты. Медикам их дают охотно, поскольку зарплата пусть и небольшая, но стабильная, банкротство не грозит.

– Откуда ты знаешь, что я думал именно об этом? – оторопел Петр.

– Обижаешь, Петро, – Лева виновато опустил глаза и пожал плечами. – Я все-таки психотерапевт. И грош мне цена, если я не смогу прочитать мысли, особенно такие банальные, как твои.

Ответить Петр не успел, Матарас отошел уже далеко.

Рядом в этот миг оказался патологоанатом Жора Рябухин. Вечно рассеянный и опаздывающий на лекции в вузе, он и сейчас все что-то искал, шарил по карманам. Во время очередной ревизии портфеля патологоанатома Петр

заметил в нем охотничий нож с резной рукояткой и в кожаном футляре.

– Ого! Это что, сервелат резать? – удивился Петр, перехватив недовольный взгляд патологоанатома. – Можно взглянуть? Утоли мое любопытство, умоляю!

Однокурсник нехотя вытащил холодное оружие:

– Какой же патологоанатом без ножа? Только особо не свети им!

– У патологоанатома, как и у хирурга, – скальпель, насколько я помню. И этим профессии очень роднятся, – начал балагурить Петр, рассматривая в руках нож. – А то, что в одном случае тело живое, а в другом – мертвое, это уже детали, на которые не стоит обращать внимания.

На лезвии было выгравировано: «Боишься – не доставай, достал – не бойся!»

– Как видишь, с подтекстом. Скальпель – это на работе, – пояснил терпеливо Жора, наверняка пожалев, что вытащил нож из портфеля. – А в жизни нож. Жизнь – это другое, это не патанатомия! Мы с отцом охотники, нам без ножа никак нельзя. Все, давай клади на место, это не для баловства!

Жора вскрывал трупы в одной из медсанчастей краевого центра. Когда-то в институте, помнится, мечтал стать судебным медиком, разные захватывающие криминальные истории рассказывал. Но что-то не сложилось…

Ради справедливости надо отметить, что и Петр зачитывался когда-то Агатой Кристи, Чейзом, Чандлером. Когда это было? Может, в другой жизни?

Это что же получается? Психотерапевт без труда читает мысли, патологоанатом повсюду носит с собой нож. А что он, врач со «Скорой», припас в качестве доказательства своей профессии? Кто быстрей в подключичку вколется или заинтубирует больного? Да и с дефибриллятором, ребятки, не каждый из вас справится, наверное…

Он поймал себя на том, что совсем не слушает Эллу. Бывшая супруга о чем-то говорила, потом махнула рукой:

– Ты, Фролов, как был эгоистом, так им и остался.

– Извини, Элк, – привычно пробубнил он, скорчив невинную гримасу. – Столько впечатлений, болтовни, тут с ума бы не сойти.

– Запомни, Фролов, это у остальных может быть болтовня. У меня другое! Куда более важное.

– Согласен. Понимаю. Конечно, это я про других. Так что я прослушал?

Элла какое-то время смотрела на него, как бы решая, стоит ли пересказывать то, что он только что равнодушно пропустил мимо ушей. А он разглядывал в этот миг ее чуть отрешенное лицо и думал, что она ждет дополнительных извинений и оправданий. Он помнил это по совместной жизни: одного мимолетного «прости», брошенного всуе, ей частенько было недостаточно. Она ждала глубокого раскаяния.

Уже потом, насытившись супружеской жизнью до легкой аллергии, он понял, что за этим ожиданием скрывается лишь ее потребность убедиться, что теперь его внимание сосредоточено исключительно на ней, что никого другого и в мыслях нет. Всего лишь! Не более и не менее!

Чтобы докопаться до этой разгадки, ему пришлось выслушать и просмотреть не один гигабайт истерик и обвинений в черствости и эгоизме.

Но это было до развода, так сказать, «по ту сторону». Теперь – совсем иной коленкор. Он уже набрал в грудь воздуха, чтобы напомнить ей об этом, как вдруг услышал:

– Меня изнасиловали, Фролов! Если тебя хоть сколько-то это интересует.

Ему показалось, что признание это услышал не он один. Даже пауза неприятная повисла над большим овальным столом, уставленным закусками и выпивкой.

– Как? Кто? Ты заявила?

– Хочешь – верь, хочешь – нет, но подробностей я не помню. Словно платок с хлороформом дали понюхать, как в старых детективах. Никаких воспоминаний. Очнулась в соответственном виде, который я тебе описывать не буду. На том же самом месте… А именно – на скамье в парке, через который обычно возвращаюсь с работы.

– Когда это случилось?

– Месяц назад примерно. Смутно помню перед этим, что слышала какие-то шаги сзади, решила оглянуться и – все, провал. Недавно проверилась у гинеколога – никаких последствий. Осталось плюнуть, растереть и забыть. Но что-то не забывается. Заявлять не стала, так как не хочется проходить сквозь все это снова.

Петр ощутил прилив жалости, потянулся, чтобы поцеловать бывшую супругу, но она отстранилась:

– Не стоит… Я в полном порядке, глупостей не наделала, и слава богу. Даже не знаю, зачем тебе это рассказала. Наверное, слабость или принятый алкоголь.

– Кстати, об алкоголе, – решил Петр сгладить неловкость, сменив тему. – Раньше ты не переносила на дух красные вина, насколько я помню. А теперь не отрываешься от них.

– Знаешь, после этого досадного инцидента я решила развеяться. Ну, ты понимаешь… И укатила в Италию. Посетила Флоренцию, галерею Уффици, музей Сан-Марко… Там, кстати, заново для себя открыла красное вино. Оказалось, что никакой аллергии на него у меня нет.

Спец по позвонкам

В этот момент вспыхнули софиты, на небольшую импровизированную сцену вышел конферансье в красном пиджаке. Петр подумал, что таким стройным красавчикам хорошо бы в гипермаркетах работать манекенами. Стоит ему застыть на мгновение, сделать взгляд попроще – и готово, надевай брючки,

сорочку… пиджачишко. Одни, другие, третьи…

– Добрый вечер, господа, – произнес Манекен приятным баритоном. – Разрешите поздравить вас с вашей круглой датой. 15 лет назад вы окончили медицинский вуз, после чего жизнь разбросала вас по разным городам и весям. Поэтому первая песня, под которую, надеюсь, вы потанцуете, так и называется…

Обнимая в танце Эллу за талию, Петр поймал себя на мысли, что чертовски соскучился по ее теплоте, дыханию, пластике. Хотелось, как раньше, зарыться в эти русые волосы и… уснуть. Все еще живо в памяти, и полгода после развода – не срок. Хотя и других он обнимал за это время. И не раз…

– Ты, наверное, хочешь скорее забыть об этом случае?

– Я и так никаких подробностей не помню. Обычно жертвы вспоминают боль, смрадное дыхание насильника… А у меня нет ничего в памяти. Все чисто.

– Как ты вообще поняла, что тебя изнасиловали?

– Я тебе говорю, очнулась в соответствующем виде в парке на скамье. Есть еще несколько моментов, на которых бы не хотелось заострять внимание. Мне сначала показалось… хочешь – верь, хочешь – не верь, что это ты. Другого-то опыта у меня нет. Подумала, что решил отомстить столь изощренным способом.

– Я?! – От шока Петр перестал двигаться в такт музыке.

– Поначалу! Теперь уверена, что не ты. Ты на такое не способен.

Он не знал – радоваться ему или огорчаться. Еще недавно ему казалось, что он знает про Эллу все. Работает она участковым терапевтом, увязла в профессии надежно: диспансеризация, прививки, эпидемии, статистика. Вроде бы ей даже нравилось заполнять статталоны, больничные листы, рецепты выписывать. Один раз промелькнула фраза, что она создана для этого… А вот поди ж ты! Стоило полгода пожить порознь – и сколько сюрпризов появилось!

На следующий танец Эллу пригласил Царегородцев. При этом они с Петром обменялись короткими взглядами типа «Посмотрим, что выйдет!». Причем

каждый вкладывал в это свой смысл.

Поначалу Петр внимательно следил за супругой, но вскоре его внимание привлекла пара Матарас – староста Алена Чубак. Они словно слились в танце, стали одним целым. Психотерапевт без зазрения совести целовал старосту в шею, и она не противилась этому.

Петр вышел на палубу покурить и заодно как-то упорядочить услышанное.

Его жену изнасиловали! И Элла даже поначалу на него подумала! Прилагательное «бывшую» он сознательно отбросил. Что бы изменилось, случись это год назад? По вечерним улицам города бродит еще достаточно зверей в человеческом обличье. Жертвы, как правило, не заявляют о случившемся. Сволочи остаются безнаказанными. Но только не в данном случае. В данном случае он просто обязан найти насильника!

Закурив, усмехнулся: «Остынь, Фролов! Как ты его найдешь, если даже Элла его в глаза не видела! Нет ни отпечатков пальцев, ни ДНК – ничего нет! И произошло это месяц назад, даже если и были случайные свидетели, то они запамятовали подробности. А ты хорохоришься. Мальчишка!»

Другое дело, если случайно кто проболтается. Уж тогда он своего шанса не упустит. Но вероятность подобного стечения обстоятельств ничтожно мала. Поэтому о ней можно забыть.

Он снова нащупал в кармане плаща бумажку с загадочной локализацией позвонка. Тот факт, что ничего другого надпись не могла обозначать, сомнений не вызывало. И зачем неизвестный однокурсник носил мятый клочок в кармане? Боялся забыть?

Можно предположить, что какой-нибудь врач-рентгенолог перед компьютерной томографией или нейрохирург перед операцией хотел бы зафиксировать в памяти этот номер. Но для этого существует куча медицинской документации, бланков направлений, карт осмотра. Не говоря уже о компьютерных программах. Записывай – не хочу! Зачем писать подобное на клочке бумаги, потом класть в карман перед речным круизом?

Одно из двух: или у него просто мало информации, и данная бумажка – лишь часть в череде других записок аналогичного содержания. Легче от подобных предположений не становится, даже страх неизвестности появляется. Или он имеет дело с психом, который сам не отдает себе отчета в своих действиях.

Когда от сигареты осталось всего ничего, он решил пройтись по палубе. Дойдя до кормы, был едва не остановлен резким порывом ветра. Повернул обратно и в этот момент услышал:

– Нет уж, ты вспомни, мне это очень важно. Вначале идет «аббат» или «абажур»?

Голос принадлежал патологоанатому Жоре Рябухину, доносился он снизу, с главной палубы.

– Давай рассуждать логически, – отвечал ему Глеб Царегородцев. – Первые две буквы у них одинаковы. «А» и «Б». Но у абажура после «б» идет снова «а», а у «аббата» – «б». В слове «аббат» ведь две «б»?

– Вроде бы две. Но что это значит, никак сообразить не могу.

– Странно… выглядишь вроде трезвым, – удивился Царь, несколько раз икнув. – Значит, вначале идет «абажур», а уже потом «аббат».

– Спасибо, дружище, без тебя мне бы никак не разобраться.

– А зачем это тебе?

– Да так, поспорил кое с кем, – ответил глухо Жора, и оба тотчас замолкли.

Петр достал следующую сигарету, закурил и медленно побрел обратно, размышляя над услышанным. Зачем патологоанатому понадобились первые слова орфографического словаря? Он что, решил переквалифицироваться на филолога? Из трупного доктора? Неужто прозекторская деятельность располагает к словесности?

Однако то, что Жора не мог ни с кем спорить по этому поводу, – очевидно!

Размышления были прерваны появившимися однокурсниками. Подвыпившая парочка – Михась Трегубов с Лизаветой – буквально «вывалилась» на палубу, ничего и никого не замечая.

– Давай я тебе поправлю шейно-грудной отдел, – заливался соловьем Михась, обнимая Хмельницкую за талию, – и головную боль как рукой снимет. Зуб даю! Ты девушка стройная, вегетатика у тебя слабая. Чуть выпила лишнего, и сосудики тут же разбалансировались.

– Это ты мне, неврологу, про вегетатику? Знаю я вас, мануальщиков, – не поддавалась Лизавета. – Как начнете ломать позвоночник – такой хруст по палубе пойдет, все чайки слетятся. Не дамся!

– Зачем это чайкам? – не понял Трегубов. – У них что, тоже с позвоночниками проблема? Я по чайкам не спец, я больше по людям… Пусть чаек орнитологи лечат.

– А осложнений сколько у этой самой мануальной терапии! Страшно представить! Вплоть до разрыва позвоночной артерии. Доверяй потом вам… Нет уж, Мишаня, как-нибудь обойдусь. Сама пройдет – поболит-поболит и перестанет.

– И напрасно. Доверять нужно профессионалам, тем, кто занимается этим постоянно, спецам с большой буквы.

– Например, тебе, – усмехнулась Лизавета, перехватывая его все более наглеющие руки. – Скромно и со вкусом. Спец ты наш… невостребованный. Бедненький!

– А хотя бы и мне. У меня за всю практику ни одного осложнения. Вот ты жалуешься, поясничка у тебя болит. Это не просто поясничка, это еще и кишечник, и придатки, и…

– Надо же, – всплеснула руками Хмельницкая, перебивая вошедшего в роль Михася, – а то я без тебя не в курсе! Десять лет неврологом вкалываю и не знаю,

какова симптоматика поясничного остеохондроза. Спасибо, доктор!

Петр выбросил сигарету за борт и уже решил зайти обратно в ресторан, пока его не заметили, но тут разговор принял неожиданный оборот, и он решил задержаться, просто отступив в тень. Он жутко завидовал Михасю в этот момент, матеря себя последними словами за обещание, данное Элле. Не заключи он это идиотское соглашение с бывшей супругой, на месте мануальщика мог быть сейчас он!

– Как у тебя легко позвонки дифференцируются, Лиз… – ничуть не смущаясь, проводил диагностику его счастливый соперник. – Идем по грудному отделу: шестой, седьмой, восьмой, девятый… И, наконец, десятый, красавец!

– Миш, я просто не страдаю лишним весом, весь секрет в этом. Поэтому они и дифференцируются. А имей я килограмм девяносто – все было бы по-другому.

– Ты не только не страдаешь лишним весом, – жарко пропыхтел мануальщик, – ты страдаешь его недостатком. И еще ты… страдаешь другими потрясными качествами… Верней, обладаешь ими.

У коллеги, похоже, снесло крышу, он беззастенчиво лапал Хмельницкую в свете фонаря на палубе, ничуть не опасаясь появления на ней кого-либо.

– Это уже не позвонок, – возмущенно заметила однокурсница. – И не надо пытаться это расстегнуть!

Петр громко кашлянул, сделав шаг вперед:

– Я вам не помешаю?

Мануальщика, надо признать, появление на палубе коллеги ничуть не смутило. Он даже не хотел разжимать объятий. Лизавете удалось вырваться, при этом она залепила Трегубову звонкую пощечину.

– Вот дерьмо, расстегнул все-таки, – с этими словами она убежала к себе в каюту.

– Петро, я тебя умоляю как мужик мужика. – Похотливо ухмыляясь, Трегубов развел руками, приложил одну из них к горящей щеке. – Черт дернул тебя появиться в самый неподходящий момент, весь кайф обломал. Ты бы видел, какой у нее позвоночник! Впрочем, ты здесь с супругой…

– Да, позвоночник что надо, особенно десятый грудной, – сам от себя не ожидая ничего подобного, брякнул Петр. – Я все слышал. Ты всегда так подкатываешь?

– При чем здесь десятый? Я вообще говорю… А за пощечину она еще ответит. Ох как ответит! Мало не покажется!

– Как бы не пожалеть тебе о сказанном! Свой обломанный кайф наверстай в другом месте, – отрезал Петр, направляясь в ресторан. – На мой взгляд, здесь тебе ничего не светит. Она тебя «дерьмом» назвала, а это надолго.

– А я не спрашиваю тебя про твои взгляды, – недружелюбно бросил вдогонку мануальщик, но Петр его уже не слушал. Он подумал, что Михась не успокоится, наверняка будет ждать Лизавету, надо бы понаблюдать за ее передвижениями.

В ресторане стоял полумрак, звучал саксофон, несколько пар перетаптывались посреди танцпола. Официанты разносили горячее, то и дело меняя пустые бутылки из-под спиртного на полные.

– Сколько штук выкурил? – накинулась на Петра супруга, едва он уселся рядом. – Я, кстати, заметила, как ты встрял между Трегубовым и Лизаветой. Тебе оно надо? Или, может, у тебя планы на Лизку?

– Не исключено, а что? Или мне нельзя?

Элла сделала несколько глотков из бокала, зачем-то посмотрела по сторонам. Петр успел за это время налить себе водки и вылить в себя одним махом, закусил ломтиком заливного.

– Если хочешь развенчать иллюзию, – брови супруги поползли вверх, – пожалуйста. Рано или поздно пришлось бы это сделать. Просто не хотелось быть в центре внимания, ты знаешь, я этого не люблю. Все начнут удивленно интересоваться, что да как… Мне и так досталось последнее время, а тут еще

доказывай, что ты не верблюд.

Петр подумал, что бывшая супруга права, и палку перегибать, пожалуй, не следовало. Пытаясь как-то загладить свою вину, предложил:

– Тогда, может, пойдем танцевать?

Лизавета появилась среди танцующих не скоро. К тому времени все были прилично подшофе, то отлучались из ресторана, то появлялись снова. Петр успел кроме Эллы потанцевать со старостой, при этом перемыв косточки едва ли не всем присутствующим. Надо признать, Алена была «нарасхват», ее наперебой приглашали то Рябухин, то Матарас.

Потом зарядил моросящий дождь, все с палубы вернулись в ресторан, где спонтанно возник спор относительно того, закреплена ли в зарубежных законодательствах обязанность доктора во внерабочее время оказывать первую врачебную помощь. Убедительней всех был Серж:

– Представьте, коллеги, едете вы в автобусе, и вдруг пожилому мужчине рядом с вами стало плохо, потерял сознание, белая пена пошла изо рта. Вы, естественно, кинетесь помощь оказывать.

– А на Западе что, врач будет сидеть как ни в чем не бывало? – возмущалась староста. – Не поверю. Этого не может быть!

Серж снисходительно взглянул на нее.

– Это все равно что слесарь-водопроводчик во внерабочее время увидел протекающий кран. Ему плевать на него. Никто его не привлечет за преступное бездействие.

Петр в полемике не принимал участия, глядя на стекающие по стеклу дождевые капли. Своими проблемами он делиться не привык. Ему далеко за тридцать, а он все носится по городу, как подмастерье. Хотелось бы остепениться, но…

Где-то лет через пять после вуза понял, что его дело – хирургическая косметология. Была мысль в свое время – подавать на хирургический поток.

Сейчас бы прошел специализацию без проблем, но он – терапевт. Здесь специализации другие. Никуда от этого не деться. Поле деятельности отфлажковано, не выпрыгнешь. И чем дальше от вуза – тем больше расстояние между флажками. Однокурсники давно пристроены, диссертации пишут, обзаводятся кабинетами и регалиями. А он словно не повзрослеет никак. Все суетится, суетится.

Предчувствие беды

– Ну что, Фролов, – в каюте Элла раскинулась на диване, закинув ножку на ножку. – Настало время расставить все точки над «i», тебе не кажется? Я смотрю, ты бриться перестал, бороду отпустил, стал еще больше похож на Пирогова.

Петр подошел к зеркалу, провел пятерней по двухнедельной щетине.

– Почему? Бреюсь, но триммером. Хотя соглашусь – вылитый Николай Иванович.

– И полысел, кажется, еще больше. Если на практике не удалось стать хирургом, так хоть внешне…

Ему снова вспомнился вуз, кафедра общей хирургии. Профессор Борондуков настолько любил основоположника военно-полевой хирургии Николая Пирогова, что если студент на экзамене не знал годы жизни великого хирурга, то рисковал на полном серьезе схватить «неуд».

– Лучше скажи, ты действительно полюбила сухие красные вина? Насколько я помню, у тебя было к ним стойкое отвращение.

Элла посмотрела на него так, словно он в который раз позабыл, как ее зовут:

– Фролов, люди меняются. Особенно после серьезных перемен в жизни. Каковыми являются развод, похороны, свадьба и так далее. А как ты жил все это время, как поется в одной старой песне, «целовался с кем»?

– Тебя всерьез интересует, с кем я целовался? – с лукавством в голосе поинтересовался бывший муж. – Это что-то новенькое, неведомое доселе. – Он прилег на диван и приготовился загибать пальцы. – Итак, начнем с коллег по «Скорой». Фельдшерицу Анюту, позавчера, в качестве бонуса за блестяще проведенную КПВ[4 - КПВ – катетеризация подключичной вены (вкалывание и установка катетера).], и исключительно по ее просьбе, я таки чмокнул в щечку, уловив при этом легкий аромат сигарет «Голуаз»…

– Ну, «в качестве бонуса» не считается, – заметила Элла, глядя исподлобья на супруга. – Я имею в виду страстный поцелуй в губы, чтобы взасос.

Петр прищурился, глядя в потолок:

– Ну и светильники здесь, однако… Нет чтоб абажур какой-нибудь придумать, а то бьет прямо в глаза. Значит, в губы, говоришь? Дай-ка вспомнить…

В этот момент он уловил непонятный стук, повернул голову и увидел, что Элла как-то странно скорчилась на своем диване, буквально свернулась в клубок и захрипела. Он вскочил, подбежал к ней. Бледность, крупные капли пота на лбу, судорожные подергивания – все говорило о том, что с ней случился какой-то припадок, возможно – эпилептический.

– Эллочка, что с тобой? – Он поднял ее на руки, присел на диван. Осмотреть язык на предмет прикуса не успел – супруга постепенно приходила в сознание, дыхание выровнялось, стало свободным.

– Что это было? – сонно прошептала она, поправляя прическу. – Я долго была в отключке?

– Совсем чуть-чуть, но слегка напугала. Пришлось дифференцировать с эпиприпадком. Даже судороги были, честное слово.

– Ни фига себе! Совсем как в тот вечер…

– В какой вечер? – ухватился за фразу, как за соломинку, Петр.

– Когда изнасиловали. Примерно так же вырубилась и так же пришла в себя на скамейке в парке. Правда, сколько была в отключке, не знаю. Как будто ничего и не было, только…

– Что «только»?

– Догадайся сам, я не хочу это уточнять, – обиженно воскликнула супруга, осторожно поднялась и, шатаясь, прошлась по каюте. – Да, слегка штормит…

Он вскочил, подошел к ней, чтобы поддержать, если что. Она слегка оттолкнула его руку.

– Смотри, я хочу как лучше, – обиженно развел он руками.

– Спасибо. Постараюсь больше в обморок не падать.

– Мне не дает покоя еще один вопрос… – решил задержать он супругу, видя, как та собирается уходить. – Ты на дух не переносила монументальные картины. У тебя было что-то типа синдрома Стендаля. Вплоть до потери сознания.

– Хватит, Фролов! – строго заявила она, взглянув на часы. – Я не хочу об этом слышать. Раздевайся, принимай водные процедуры и ложись спать, я приду через полчаса, чтобы ты был уже в постели. Усвоил?

С этими словами она стремительно покинула каюту. Подобной прыти он от нее не ожидал, тем более после припадка. Накинув плащ, бросился за бывшей женой, еще не представляя, что будет говорить. Хотелось остановить ее во что бы то ни стало, но на выходе он неожиданно столкнулся с Матарасом.

– Что это… было, Петро? – икая, кое-как выговорил однокурсник, провожая пьяным взглядом Эллу. – Вихрь? Торнадо? Цунами?

– Все три в одном флаконе, – пояснил Петр, пытаясь проскочить мимо.

Матараса прилично штормило, он не смог увернуться. От столкновения его повело, и, если бы не Петр, он наверняка растянулся бы прямо между каютами. Когда его равновесию уже ничего не угрожало, Эллы в коридоре не было видно –

она куда-то свернула.

Как бы Матараса ни штормило, он обратил внимание на плащ, в котором был Петр.

– У нас одинаковые плащи! – выдал он с интонацией, как будто ему удалось доказать теорему Ферма. – Ты не находишь?

– Нахожу. И что? Мало ли таких плащей?

– Плащей-то много, только на теплоходе нас всего двое, – гнул свое однокурсник. – И, значит, ты запросто мог перепутать и надеть мой.

– Мог, но не надел, зачем мне он? – сыграл на опережение Петр, без труда раскусив, куда клонит коллега. В следующее мгновение понял, что можно попытаться кое-что выведать у пьяного коллеги. – Но, даже если предположить, что я его надел, то что бы случилось?

– Дело в том, что у меня кое-что потерялось. И ты мог это найти. Так, случайно обнаружить в кармане… Это надо бы вернуть!

– Ничего я не мог найти, – поняв бесперспективность подобного диалога, Петр перебил однокурсника. – Так как я не надевал твоего плаща. Не заморачивайся.

Матарас еще какое-то время покачался, потом махнул рукой и отправился восвояси.

Выйдя на мокрую после дождя палубу, Петр почувствовал себя неуютно – к тому же его щедро обдало веером холодных брызг из-за борта. Затянутое тучами небо не располагало к романтическим уединениям, но он все же решил выкурить сигарету.

Несмотря на принятый алкоголь, чувствовал он себя на ногах вполне устойчиво. Чего нельзя было сказать про Жору Рябухина, вывалившегося на палубу так, будто ему только что дали хорошего пинка под зад. Однако никто его не пинал – Петр это точно видел. Едва не растянувшись на скользкой палубе, Жора обхватил Петра за плечи:

– Слушай, пожалуйста, верни, а? – взмолился он. – А себе купи новый, я скажу – где, это не проблема сейчас. Он мне нужен.

– Ты о чем, соотечественник? – искренне удивился Петр, поражаясь, что в эту ночь все от него что-то требуют. – Я тебе ничего не должен, а если и должен, то прощаю.

– Не прикидывайся! – брызнул слюной патологоанатом. – Кроме тебя, его никто не видел! Зуб даю!

– Ты про свой охотничий тесак? – догадался Петр.

– А то про что же?! Вернулся сейчас в каюту, достал портфель, а он подозрительно легкий. Нет его там, короче. Показывал я нож только тебе. И вот его – тю-тю, вывод ясен.

– Как ты думаешь, зачем мне твой нож?

– Этого я не знаю.

– Все ясно, – Петр пытался свести все к шутке, но у самого скребли кошки на душе. – Необходимо снять пальчики с портфеля, идентифицировать… Слушай, а, может, ты сам его достал, похвастаться перед кем-нибудь решил, или еще чего.

– Тебе все шуточки, – чуть не плача, промямлил Рябухин. – А мне он очень дорог. Мы с ним, можно сказать, огонь, воду и медные трубы прошли. Он меня не раз выручал на охоте.

– Что, медведя зарезал? Или когда рысь напала?

– Нет, все проще: колбаски порезать, сала настрогать.

– Так с этим и обычный кухонный справится!

– У тебя какой-то настрой игривый сегодня, – раздумчиво заметил патологоанатом, теребя себя за нос, – а мне что-то не по себе.

– Согласен, раз свистнули такой нож…

– Что? – заинтересовался Жора. Казалось, весь алкоголь разом из него выветрился. – Что ты хотел сказать? Договаривай!

– Припомни, ты никого возле своей каюты не видел? Может, странное что-то заметил? Запах какой уловил, предмет незнакомый… Когда возвращался из ресторана. Может, кто-то шел мимо?

– Навстречу попалась только жена твоя, Элка, – искренне признался Жора, не подозревая, какую бурю эмоций вызовет у однокурсника этим своим признанием.

Тот осмотрелся по сторонам, сделал глубокий вдох и неожиданно схватил патологоанатома за воротник:

– Повтори, что ты сказал! Повтори! Элку, говоришь, видел?

– Я… только сказал, что встретил ее у каюты. А ты что подумал? Я точно ее видел, у нее еще выражение лица было какое-то странное…

– Кому ты еще нож показывал? – Петр отпустил воротник однокурсника и сделал несколько шагов в сторону кормы.

– В том-то и дело, что никому его не показывал, кроме тебя! – кричал ему вслед Рябухин.

Но Петр не слышал, он бежал по палубе, заглядывая в проходы.

«Что-то должно произойти! Непоправимое! Но как его предотвратить?»

Он снова и снова пытался перетасовать факты. Что означает записка с обозначением 10-го грудного позвонка? А может, это все алкоголь и его страсть к детективам? Одно на другое помножить – немало получится.

Что-то определенно назревало, витало в воздухе: то ли запах адреналина, то ли чистейший запах крови… Если до этого Петр лишь слегка улавливал его, то

теперь, после новости от Рябухина, пространство теплохода словно наэлектризовалось: чуть резче повернись – искры высечешь.

Все сплелось воедино: странное, ничем не объяснимое поведение бывшей супруги, бумажка, найденная в кармане, исчезновение охотничьего ножа из портфеля Рябухина… И это лишь то, что было, так сказать, на поверхности! Наверняка существовали еще детали, о которых Петр не знал.

Он сделал круг по палубе, вернулся на место, где оставил патологоанатома, но того и след простыл. У Петра было огромное желание подняться к рулевому, заставить пристать к первой же пристани и высадить всех пассажиров на берег. Потом вызвать такси и развезти всех по домам.

Хватит, встреча отменяется! Натанцевались! Напились!

Но кто его послушает? Кто поверит? Пошлют подальше, чтобы не омрачал праздник.

Мистика на палубе

Он не помнил, как оказался у своей каюты.

Часы показывали половину второго ночи. Эллы в каюте не было.

С одной стороны, они в разводе. А значит, абсолютно свободны ночевать где заблагорассудится. С другой – факты, озвученные супругой не так давно, свидетельствовали о ее полной беззащитности. За ее внешней бравадой и ложной независимостью Петр явно улавливал просьбу о помощи, почти мольбу…

Он сел на диван и задумался: как он будет выглядеть в глазах бывших однокурсников, если ляжет спать в одиночестве, а жена будет в это время где-то гулять? Да еще когда вокруг столько непоняток!

Зачем он согласился на эту авантюру? Идиотизм чистой воды! Он подошел к небольшому шкафчику, открыл его и обратил внимание на платье, висевшее на

плечиках. В нем Элла была в ресторане. Когда она успела переодеться?

Час от часу не легче!

В этот момент на шторке появилась чья-то тень. Крадущийся женский силуэт быстро промелькнул и исчез. Силуэт что-то держал в руке, Петру показалось, что это был нож.

Чувствуя озноб во всем теле, Петр направился на палубу. Но быстро туда не выйдешь – необходимо пройти несколько метров по коридору.

Когда он оказался на воздухе, никого не увидел. Может, ему померещилось?

Окна кают были темными – однокурсники беззаботно спали, не подозревая о том, что затевается какая-то пакость. Но какая именно – на этот вопрос Петр ответить не мог.

Больше всего его угнетало то, что Элка в этой пакости оказывалась в центре событий. Полгода, прошедшие с момента их развода и разъезда, изменили бывшую супругу радикально. У Петра складывалось ощущение, что жену подменили. Она была другой! Не может человек так измениться за каких-то шесть месяцев!

Где вот она сейчас бродит, когда должна мирно спать? Пусть не в супружеской постели, но тем не менее? А тут еще этот исчезнувший нож…

Раздираемый догадками и домыслами, Петр побрел по палубе, надеясь встретить супругу. Проходя мимо одной из кают, окно которой было приоткрыто, он вдруг услышал голоса. И сразу узнал их.

Патологоанатом Жора Рябухин беседовал с Левой Матарасом, причем весьма недружелюбно.

– У тебя была куча возможностей во время учебы, тебе никто не мешал. Ты обхаживал ее справа и слева. И раз она тебя тогда отшила, то с этим надо смириться и смотреть на других женщин. Что ты к ней сейчас пристаешь? – раздосадованно твердил патологоанатом. – Твой поезд ушел, ту-ту-ту-у-у…

Психотерапевт отвечал как-то вяло и растерянно, словно делал это не в первый раз, и ему все изрядно надоело:

– Любовь – такая штука… Вам, патологоанатомам, это особенно сложно понять… Тогда она отказала, а сейчас вспыхнула с новой силой. А я ее любил всегда. Мы свободные люди, понимаешь, Жорик… Женщины непредсказуемы, особенно – в любви… Хотя… Чего я перед тобой оправдываюсь, карты раскрываю?

Петр с трудом понял, о ком идет речь. В институте Матарас всерьез ухлестывал за старостой Аленой Чубак. Рябухин был прав: тогда староста не обращала на него внимания, как бы он ни унижался перед ней. Тогда он был посредственным студентом, ничего собой не представлявшим. Сейчас совсем другое дело – светило психотерапии, автор многочисленных методик. Возможно, староста пересмотрела свое отношение к нему. А вот о чувствах Рябухина к Алене Петр слышал впервые…

– Думаешь, потанцевал пару раз, – голос патологоанатома становился все более агрессивным, – и в ней что-то всколыхнул? Я уверен, ты внушил ей что-то. Ох уж эти ваши психотерапевтические штучки! И теперь она с тобою танцует.

– Тебя это не касается, Жорик. Хочешь – внушай ты, если получится. А вообще-то я бы на твоем месте увлекся Лизаветой. Ты посмотри, какая женщина просто подарена нам на этот вечер, а ты пытаешься втиснуться на место, которое давно занято.

– Это запрещенный прием, Левушка! Ты не на моем месте, заруби на носу. И еще очень пожалеешь, что перебежал мне дорогу, запомни!

– Ты никак угрожаешь мне? Или мне показалось, товарищ потрошитель?

Голос Матараса менялся буквально на глазах. Из вялого и неуверенного он превращался прямо-таки в голос Левитана. Петру казалось, что произнеси он сейчас «От Советского информбюро…» – и у слушателя не возникнет никаких сомнений в подлинности услышанного.

– Как хочешь, так и понимай, только я тебя предупредил! – уверенно произнес патологоанатом. – Потом не возникай!

– Да, профессия накладывает отпечаток, – заключил Матарас после того, как за Рябухиным закрылась дверь.

«Первый любовный треугольник на теплоходе! – выстрелило в голове Петра. – Вот это новость!»

Он вспомнил, как жарко психотерапевт обнимал в танце старосту, и подумал, что у Рябухина, пожалуй, есть повод для ревности. Бедняга был прав в своих рассуждениях: представить подобный танец в годы учебы было совершенно немыслимо, у Матараса не было тогда никаких шансов.

А сейчас что? Изменился Матарас или отношение старосты к нему? Или Жора прав: Матарас внушил Алене что-то такое, что она сама в него влюбилась?

Круговорот мыслей внезапно оборвался – Петр заметил на дальнем конце палубы похожий на привидение женский силуэт в белой ночнушке. Привидение в руке держало нож и двигалось прямо на него.

У Петра все внутри похолодело: он узнал свою супругу! Элка в три часа ночи с ножом в одной ночнушке бродит по палубе! Немыслимо!

Он прижался к двери и замер: «Не может быть! Нет, это не она! Показалось!»

Что он гадает? Почему бы не встретиться с ней лицом к лицу и не убедиться? Но, если это не она, то кто? Когда он сделал шаг вперед, палуба была пуста. Может, ему померещилось?

Загрохотав ботинками, он кинулся туда, где только что видел силуэт. Добежал до лестницы на шлюпочную палубу, никого там не обнаружил.

Размеренно работал двигатель, за кормой пенилась вода, за бортом проплывал мигающий бакен.

Он никого не обнаружил ни на шлюпочной, ни на главной палубе. Коридоры были пусты…

Обмен телами

В расстроенных чувствах Петр вернулся к себе в каюту, смутно надеясь застать там бывшую супругу. Едва прикрыв за собой дверь, почувствовал запах дорогих духов. Но Элка пользовалась другими! Уж он-то знает! Или, изменив радикально своим привычкам, бывшая жена поменяла и пристрастия в косметике? Черт знает что!

Он включил свет и увидел рассыпавшиеся по подушке платиновые волосы.

– Зачем включать свет, Петь? Неужто он тебе так нужен? – долетело до его ушей. Голос без сомнения принадлежал Лизавете Хмельницкой. Однокурсница повернулась к нему, присев на диване. Одеяло при этом сползло, обнажив ничем не прикрытую грудь.

– Что ты здесь делаешь? Какого черта? – вырвалось у Петра. – Где Элла? Куда ты ее дела?

Он слушал себя как бы со стороны и не узнавал. Чужой голос звучал в освещаемом пространстве каюты.

– Прекрати паниковать, Петь, не прикидывайся. Вы с Элкой давно уже не вместе, и все об этом знают. Только делают вид, что в неведении. А вместе ты хотел быть со мной, я об этом в ресторане у тебя в глазах прочитала. Не слепая.

– Значит, ты теперь начитанная? Понятно, – взмахнул руками Петр. – И что еще ты в ресторане вычитала в моих глазах?

– Это неважно. Важно, что я права, не так ли?

– Говори, где Элка! – почти приказал Петр, не двинувшись с места.

– Она женщина свободная, – вкрадчиво вещала Лизавета, не сводя с Петра своих чуть раскосых глаз. – Ушла по своим делам, может, даже по личным, это тебя не касается. Короче, мы решили с ней поменяться местами. Предложила, кстати,

она, а я согласилась.

– Обменяться… телами? Ты побудешь в ее шкуре, а она в твоей? Где было твое место? В какой каюте? – негодовал Петр, продвигаясь вдоль окна, стараясь не приближаться к дивану с сидящей на нем полуобнаженной однокурсницей. – Она сейчас там? С кем? Колись!

– Там ее все равно нет, ты напрасно разоряешься. Я тебя не узнаю, Петь. У него, можно сказать, в постели баба… ко всему готовая… сидит, а он на сторону смотрит! Помнится, в институте ты был сообразительней! Что случилось?

– Между нами никогда ничего не было, не наговаривай!

– Выключи свет, нас из окна могут увидеть. И хватит языком трепать!

Видимо, в словах женщины была скрытая установка, потому что Петр выключил свет и, как был в плаще и в туфлях, уселся рядом с Лизаветой на диван, обхватив голову руками.

Через мгновение почувствовал, как женщина принялась расстегивать его одежду…

– Подожди. – Он перехватил ее руку. – А как же Михась? Ведь он тебе страсть как хотел позвонки поправить. Причем прямо на палубе. Он же мануальщик.

– Ты откуда знаешь? – Рука замерла в пространстве, словно выжидая удобного момента, чтобы продолжить начатое.

– Случайно услышал.

– А раз услышал, должен знать, чем все кончилось. Плевать я на него хотела. Он герой не моего романа, и не таких отшивала. Наглый прилипала, и все!

– Он тебя, наверное, ищет.

– Пускай ищет. Ему ничего не обломится. Ишь, костоправ нашелся! Да пошел он!

Руки ее тем временем продолжали освобождать Петра от одежды.

Сначала он не помогал ей, но потом, видимо, принятый алкоголь окончательно лишил его рассудка, и он с остервенением сорвал с себя все.

И – понеслась вакханалия. Оба утоляли голод, буквально захлебываясь друг другом. Она стонала, он хрипел, рычал, ничего вокруг себя не видя и не слыша. Загляни кто-то в этот момент в каюту – бесплатное эротическое видео было бы обеспечено.

Когда спустя полчаса они стояли на холодной палубе, Петр курил, а Лизавета любовалась лунной дорожкой на водной ряби. Он искренне недоумевал: куда делась его мнительность, настороженность. Все вокруг было прекрасно и замечательно! Он словно заново родился.

Подумаешь, попалась ему в чужом кармане записка с совершенно непонятным содержанием, и что? Это его не касается! Показалось, что по палубе кто-то бродит ночью. И черт с ним! Ведь сколько выпито! Чему удивляться?

Из окна каюты услышал, как два однокурсника не могут поделить старосту между собой. Это их личное дело, их проблемы. Мужики – они на то и мужики, чтобы ссориться из-за женщин, разве нет?

Звук пришедшего ммс немного насторожил. То, что он увидел на дисплее смартфона, повергло в глубокий шок. Фотография бывшей супруги с отрешенным взглядом, в ночнушке и с окровавленным ножом в руке могла свести с ума кого угодно.

Увидев снимок, он понял, что ему час назад ничего не показалось. Все вернулось на круги своя. Вокруг была липкая удушающая реальность, и никакой адюльтер ее заменить не мог.

Он видел на палубе то же, что какая-то сволочь запечатлела на смартфон и теперь прислала ему. Окна кают на дальнем плане не оставляли сомнений: фото сделано здесь, на «Хирурге Бекетове». Но он видел это издалека, а здесь – конкретно, в нужном ракурсе. Вблизи!

Почему он не догнал ее тогда? Не повезло. Плохо искал! Из рук вон плохо! Хотя… Петр совсем не уверен, что хотел бы этого. Внутри все клокотало от неопределенности.

Предчувствие было такое, что с каждой минутой абсурдность происходящего будет сгущаться. Словно он спускается в подземелье без фонаря и факела. И обратного пути нет!

Кто его толкал в объятия Хмельницкой? Просто снесло крышу у кобеля, и он забыл про все на свете. Хотя видел, как незадолго до этого она кокетничала на палубе с мануальщиком. Видел, но забыл – потому что так удобней. Потому что решил словить кайф здесь и сейчас, не откладывая на потом.

Лизавета заметила, что он пялится в смартфон:

– Петь, это неприлично, в конце концов. Если ты переспал с женщиной и потом смотришь налево… Как это называется?

– Скажи, – перебил он ее, не очень понимая в тот момент, что слетает у него с языка, – когда вы с Элкой договаривались… ну, чтобы ты со мной, а она, значит… Элка в чем была? Я имею в виду, в какой одежде? Что на ней… в тот момент…

– Ты сдурел?! – Лизавета посмотрела на него так, словно он спросил про ее нижнее белье. – Свихнулся на своих детективах? Она была в одной ночнушке, если хочешь. Теперь все узнал? Подавись этим! Дурак!

– Извини, Лиз, приходит на телефон всякая пакость… – начал неуверенно оправдываться он, чувствуя, как голос его фальшивит, – …которая отвлекает.

– Значит, такая у тебя репутация, если тебе такое шлют. Даешь повод, значит. Мне ерунду не шлют.

– И все-таки где может быть сейчас Элка?

– Что, интересно? – заговорщицки поинтересовалась однокурсница. – Не надо было разводиться, если не можешь выкинуть ее из головы.

– Развестись – это не значит выкинуть, – не согласился он. – Разводятся по разным причинам. Бывает, что до конца дней…

– Ой, только философию разводить не надо, а? – перебила его Лизавета, собираясь уходить. – Не знаю я, где твоя Элка, она мне не сообщила координаты, куда уходит. Все, пошла я спать, спокойной ночи. Хотя… – она взглянула на часы. – Уже скоро утро.

С этими словами Лизавета чмокнула его в щеку и отправилась к себе. Он не провожал ее, решив еще раз взглянуть на присланное фото. Подпись, пришедшую вместе со снимком, Петр заметил не сразу: «Есть о чем подумать, Петро, ты не находишь? Обещаю: никому ни слова».

Номер, с которого прислали снимок и смс, был ему не знаком. Кто ему обещает? «Петро» его зовут практически все однокурсники. По крайней мере, звали во времена студенчества.

Почти по Гоголю

Он решил еще раз обойти всю палубу. Не встретив никого, отправился в каюту. Эллы до сих пор не было.

Едва голова коснулась подушки, он тут же провалился в сон.

Ему снилось, что он, весь израненный, оставляя кровавые следы, ползет по ночной палубе, а его преследует босая, вся в белом, гоголевская панночка из «Вия». В руке она держит окровавленный нож. Его счастье, что она слепа и не видит его, хотя и нанесла уже достаточно ударов. Он истекает кровью.

Все однокурсники спят по каютам, он старается кричать, но из горла вырывается лишь жалкий хрип. Сил ползти почти не остается. Панночка его преследует, тычась в заграждения, окна, переборки.

«Хоть бы за борт кувыркнулась, что ли!» – мелькает в сонной голове.

Внезапно он всем телом начинает ощущать гулкие шаги по палубе.

Так человек не ходит, это Вий – жуткий монстр отечественной классики, он его точно увидит и покажет Панночке, чтобы та нанесла завершающий удар. Петр знает, откуда покажется чудовище. Он сам на него выползет. Третьего, как говорится, не дано. Его, как волка, гонят под прицелы двустволок.

Все, что произойдет потом, он тоже знает, словно с ним уже нечто такое происходило. Но где и когда?

Шаги становятся отчетливей. Вот и само чудовище – толстое, мерзкое… Только вместо физиономии с опущенными веками у него лицо, и оно кажется Петру знакомым… Боже, да это Элкино лицо, она как-то влезла в шкуру монстра и движется прямо на него, вот-вот затопчет.

Куда ползти? Впереди Элка в костюме Вия, сзади – Панночка с окровавленным ножом. Выхода нет!

Он проснулся весь в поту, вскочил, с трудом осознал, что вокруг – обстановка каюты. За окном – туман, в душевой бежит вода. Под душем кто-то плещется. В памяти медленно, словно из морских глубин, всплывали подробности вчерашнего вечера и ночи. Хотя увиденное во сне не отпускало, грохот шагов Вия по палубе Петр, казалось, ощущал каждой клеткой своего тела.

Не особо соображая, что делает, он поплелся к стеклянной двери и открыл ее. Обнаженная Элла стояла под струями воды и увидела его не сразу. Он успел разглядеть несколько струек крови, стекающих по ее ноге.

– Фролов, ты обнаглел вконец! – крикнула она, задернув полупрозрачную занавеску. – Выйди вон, не видишь, я стесняюсь. Проснулся, слава богу!

– Сама шастает где-то всю ночь, а потом требует от меня… – начал он бурчать, прикрывая дверь душевой, – …соблюдения правил приличия.

– Да, требую! – прокричала она из-за двери. – А где я шастаю, не твое дело!

Он быстро осмотрел ее одежду, висевшую на стуле, нашел под диваном ее сумку, бегло обыскал. Что он хотел найти? Окровавленный нож? Пистолет? Он сам не знал.

Едва Элла выключила воду, быстро натянул брюки, накинул плащ на голое тело, вышел на палубу и закурил. Густой туман висел на уровне иллюминаторов, скрывая очертания судна. Не было видно ни кормы, ни носа. Теплоход застрял посреди реки, отрезанный от окружающей жизни на неизвестный срок.

Неожиданно один за другим раздались два протяжных гудка.

Петру пришло в голову, что агрессивность Элки может скрывать за собой полную внутреннюю беспомощность. Может, она запуталась и нуждается в чутком отношении, в заботе и внимании. И то, что они сотворили ночью вдвоем с Лизаветой, – весьма неблаговидно. Об этом Элла узнать не должна. Она и не узнает никогда!

Петр уверен: Лизавета не из болтливых, трепаться не будет.

То ли от собственных мыслей, то ли от тумана Петра зазнобило. Сделав несколько затяжек, он поспешил обратно в каюту. Элла сидела в халате, сушила волосы феном.

Петр застыл, наблюдая за нею. Представить сейчас ее с окровавленным ножом на палубе не хватило бы воображения. Домашняя, заботливая, желанная – только такие эпитеты вертелись на языке.

– Что стоишь как истукан? Давно не видел?

– Хочу понять, – с трудом подбирая слова, он пытался сформулировать главное, что его мучило на тот момент. – Когда ты настоящая: сейчас, когда сушишь волосы, или, к примеру, на этом фото.

С этими словами он достал смартфон, нашел на нем пришедшее ммс и показал бывшей супруге.

То, что последовало за этим, он ожидать никак не мог. Увидев себя на ночном фото, Элла как-то сдавленно вскрикнула, зажмурилась, выгнулась всем телом поперек дивана. Работающий фен при этом отлетел в угол каюты, вырвал вилку из розетки и там замолк.

Скрежет зубов, раздавшийся в тишине, шумное прерывистое дыхание и судороги, последовавшие за этим, на миг парализовали Петра, но автоматизм врача «Скорой» сработал как часы. Спустя пять минут голова супруги с компрессом на лбу покоилась у него на коленях, дыхание было ровным, сознание – ясным. Его пальцы фиксировали ее челюсть в нужном положении.

– Выбрось эту фотку из телефона, слышишь? – попросила она, едва обрела возможность говорить. – И отпусти мою челюсть, язык себе я не откушу, не волнуйся.

Он спешно выполнил ее просьбу.

– Я боюсь ее, она будет преследовать меня… Эта фотка. Кто ее прислал?

– Откуда мне знать! Номер незнакомый.

– Удали ее к чертям собачьим!

– Хорошо, хорошо. – Он дотянулся до смартфона и сделал вид, что удалил ммс. – Все, ее больше нет, не волнуйся, ты ее больше никогда не увидишь, обещаю.

– Самое интересное, что я ничего не помню, Фролов, слышишь? Ничего, – тараторила испуганно супруга, глотая слезы и изредка всхлипывая. – О чем-то говорила с Лизкой, что было потом… Все как в тумане.

Петр хотел сказать, что содержание их беседы с Лизкой как раз ему известно, но сдержался, вместо этого буркнул:

– Мы все в реальном тумане. Отрезаны от цивилизации.

– Сколько сейчас времени? Завтрак уже был?

– Какое там! – он взглянул на часы. – Еще только семь утра.

Смерть под капельницей

В этот момент мимо окон кто-то пронесся, стуча каблучками. Несколько секунд спустя в коридоре раздался крик старосты:

– Левчик Матарас умер! Лежит под капельницей… без пульса! Господи!.. Помогите, кто-нибудь, кто живой есть! Убили Левчика!

Элла в один миг вскочила, потом зашаталась и была вынуждена сесть. Петр поддержал ее, уложил головой на подушку:

– Я сейчас схожу, все узнаю. Ты будь здесь, – как можно спокойней произнес он, похлопав супругу по плечу. – Никуда не уходи. Я приду, все расскажу.

– Фролов, я боюсь. – Она панически схватила его за рукав. – Кошмар еще только начинается, еще все впереди.

Когда он выходил из каюты, в голове стучало: «Не зря у тебя было предчувствие, не зря адреналин зашкаливал. Вот и первая ласточка! Теплоход в тумане, помощи ждать неоткуда. И как-то во всем этом Элка замешана. Черт!»

У каюты Матараса стоял Серж Гамаюн и нервно чесал затылок. Дверь была приоткрыта, в проеме виднелась капельница, подвешенная к верхней полке, и ноги психотерапевта.

– Думаю, не нужно туда проходить, – срывающимся голосом сообщил гинеколог. – Не волнуйся, пульса на сонных нет, дыхания тоже, зрачки широкие. Сейчас придет Жора, староста обещала его разбудить. Он пусть окончательно все точки над «i» расставит. И о трупных пятнах, и о прочих признаках…

– Капельницу ему кто поставил? – деловито поинтересовался Петр. – Что в капельнице?

– Я поставил, солевой раствор с витаминами группы «В». Парень хватанул лишнего, надо было как-то восстанавливаться к завтраку… У него, вообще, с алкоголем были проблемы. Раньше такое случалось, он рассказывал. Сейчас это уже не секрет.

– Системы одноразовые, раствор – это все с собой у него было?

– Не знаю, с собой, или он в медпункте позаимствовал, но, когда он меня позвал ночью, капельница была уже приготовлена. Мне оставалось только вколоться в вену и отрегулировать скорость.

– И ты не поинтересовался, откуда у него все это?

– Он был пьян, поторапливал, а мне хотелось, если честно, поскорей разделаться с этим и идти спать. Глаза слипались. Времени было уже часа три.

– А почему входить нельзя?

– Натопчем, отпечатков наоставляем. Ни к чему это. Думаю, когда туман рассеется, к теплоходу направят полицейский катер с криминалистами. Каюту начнут изучать вдоль и поперек.

– Это ты все сам решил? – со злой иронией заметил Петр. – Ни с кем не посоветовавшись?

– Ах да, я совсем забыл, – Серж легонько ударил себя по лбу, – Эркюль Пуаро у нас ты… Тогда, конечно, можешь войти, продемонстрируй чудеса дедукции. А что, все развивается по законам жанра. Туман как нельзя кстати, мы отрезаны от внешнего мира…

– Как давно ты его обнаружил… в таком состоянии?

– Обнаружил не я, – неуверенно уточнил Серж. – Аленка обнаружила, она и разбудила всех. Крик подняла. Я уже потом прибежал, это было где-то около семи… Может, без четверти семь.

Петр прошел в каюту, стараясь не приближаться к трупу бывшего однокурсника. Его внимание привлекла одноразовая система для капельного введения растворов.

– Кубиков сто прокапало, потом кто-то остановил капельницу, – размышляя вслух, он осторожно попытался повернуть руку с иглой в вене. – И что-то ввел в резинку струйно. Это очевидно. Неужели яд?

– Яд? – переспросил застывший в дверях гинеколог. – Хотя… Почему бы и нет? У меня такое чувство, что на этом теплоходе любая абсурдная мысль может стать вполне реальной. Значит, ввели яд.

Петр продолжал осматривать спартанскую обстановку каюты Матараса и ловил себя на мысли, что не представляет, как интерпретировать увиденное.

«Пора всем доказать, какой ты Пуаро, Фролов! А ты растерялся. Будучи студентом, зачитывался детективами. На лекциях всегда под конспектом прятал томик Буало-Нарсежака, сорил тут и там цитатами из Сименона. Наконец, тебе представилась блестящая возможность проявить свои недюжинные дедуктивные способности. И что?»

В романах получалось все складно: из одного вытекало другое, к нему добавлялось третье – картинка постепенно складывалась, словно мозаика. Сыщик тянул за нитку и вытягивал все преступление.

То, что видел сейчас Петр, было жутким, липким, ни на что не похожим кошмаром. Только не на улице Вязов, а в каюте, где он находился. Восковое лицо Матараса, его остекленевший взгляд был устремлен в потолок, на лице застыла гримаса, словно перед самой смертью кто-то вырывал у бедняги одну за другой все внутренности. Словно он что-то пытался прохрипеть, но… голосовой аппарат ему не подчинялся.

Не сразу Петр догадался закрыть покойнику глаза.

Следовало как-то абстрагироваться от того, что перед тобой твой однокурсник, еще каких-то десять часов назад рассказывавший за праздничным столом случаи из практики. Но этого как раз и не получалось. Перед глазами плавала щекастая физиономия Матараса, слегка надменный взгляд, в ушах застряли его

речи про необходимость каждому иметь своего психотерапевта. Как это все выключить или хотя бы убавить звук, Петр не представлял.

Казалось, коллега прилег ненадолго вздремнуть, сейчас проснется, и никто даже не вспомнит об этом утреннем кошмаре…

В голове внезапно всплыло: обыскать карманы, забрать сотовый, проверить последние звонки, смс и т. д. На трупе оказались только трусы, поэтому Петр принялся искать одежду убитого. Куртка, пиджак и брюки Матараса оказались в шкафу, в карманах ничего не было.

Словно кто-то специально пошарил перед этим и забрал все, что может представлять интерес для Петра. Забрал – и за борт. Не хранить же у себя!

Каюта была двухъярусной, спальные места находились одно над другим. К верхней полке крепился пакет капельницы, в котором оставалась примерно половина содержимого.

Петр начал ощупывать непосредственно локтевую ямку, куда была вколота игла, и вскоре обнаружил, что игла не в вене. Понятно, что вены у трупа всегда находятся в спавшемся состоянии, но тут игла свободно ходила под кожей…

Что бы это значило? Судорога? Перед тем как испустить дух, Матарас непроизвольно дернулся. Возможно, даже несколько раз.

Прежде чем покинуть каюту, Петр еще раз приподнял труп и сдвинул подушку, на которой тот лежал.

Он стоял посреди каюты, оглядывая ее скудную обстановку, и не мог собрать мысли воедино.

Когда дальше находиться рядом с мертвым коллегой стало невыносимо, Петр позвал Сержа на палубу. Они закурили и несколько минут молчали, вдыхая и выдыхая дым.

Гинеколог заговорил медленно, словно размышляя вслух:

– Никогда не видел Рябухина с веником и совком, представляешь? А тут шагаю ночью в клозет, смотрю – главную палубу подметает. С чего бы вдруг?

– Во сколько ты это увидел? – автоматически вырвалось у Фролова, он даже сам удивился. – Хотя бы примерно?

Серж удивился не меньше. Усмехнувшись, цокнул языком и подмигнул:

– Вот ты и стал, Петро, профессиональным следаком. Автоматически складываешь картинку преступления, раскладываешь по полочкам факты, детали, улики. Ты и меня разложил, не побрезговал. Это уже в крови, не выжечь никаким каленым железом.

– Рад, что ты это понимаешь. Так во сколько?

– Около пяти утра. Думаю, после такого количества выпитого никто до утра не дотянул. Мочевые пузыри у нас не пластиковые.

Петр наблюдал, как сгустки тумана проплывают мимо них. Протяжный гудок заставил вздрогнуть обоих. Потом последовал еще один.

Итак, Жорик решил заделаться матросом. Но те обычно шваброй орудуют и – по утрам. А он решил перед рассветом.

– Что, новая загвоздка? Есть над чем поломать голову?

– Ты прав, – кивнул Петр.

А сам подумал: «Если только сейчас ты мне не заливаешь, что видел его в пять утра. Но зачем тебе это нужно? Чтобы отвести подозрение от себя?»

– Осталось только догадаться, зачем это Жорику понадобилось.

– У меня такое предчувствие, что мы скоро узнаем, – произнес Петр, подумав о том, что, если он узнает об этом первый, то Сержу, скорее всего, не скажет.

Мы – из другого теста

Туман и не думал рассеиваться. Казалось, он еще плотнее укутал теплоход со всеми его пассажирами.

– Послушай, а если это суицид? – озвучил Петр первое, что пришло в голову.

– В смысле? – не понял гинеколог. – Матарас хотел смерти? Бред!

– Ты не проверял, что там у него в капельнице было намешано, так? А вдруг там смесь наркотиков, не совместимая с жизнью? Ты поставил то, что он просил, не проверив. И фактически сделался убийцей. Это преступная халатность!

– Ты поосторожней на поворотах, Петро-Пуаро! – угрожающе заметил поперхнувшийся дымом Серж. – Думай, что говоришь!

– Возможно, я круто поворачиваю, но… факт остается фактом. Если человек решил уйти из жизни, причин этого мы пока не касаемся, то ты ему в этом помог. Так?

– Я уже говорил, что на этом теплоходе любой абсурд выглядит вполне приемлемо, чему я удивляюсь? – Наморщив лоб, гинеколог пожал плечами. – Да, мог, вколол, убил, осталось только достать улики, сопоставить, доказать… Валяй до кучи!

Петр рассматривал коллегу и удивлялся. Совсем как подросток, осталось лишь губы надуть. Обида распирала – не столько на идиотское стечение обстоятельств, сколько на то, что однокурсник мог подумать на него (!). Как у Петра мысли вообще могли повернуться в эту сторону! Ну, погоди же…

– Само собой, – голосом бывалого сыщика произнес Фролов. – Остатки в капельнице пойдут на экспертизу. А если серьезно?

– Если серьезно, то такое случалось не раз, – неуверенно заговорил Серж. – Он частенько приходил ко мне на дежурство никакой, просил помочь, поскольку у

самого не получалось. Мы с анестезиологом ему капельницу воткнем – глядишь, и легче мужику. Через пару часиков повеселевший уходил. Мы, конечно, ничего не фиксировали, никаких историй, и в журнал не заносили, списывали как-то.

– Как будто меня не вызывали на запои, – пожав плечами, заметил Петр. – Только капельницу я составлял всегда лично, давал четкие указания медсестре.

– Петро, ты чего будто вчера родился? – Серж явно выходил из себя. – Как будто не знаешь, как это бывает?! Такой огород городишь!

– У нас труп в каюте, Серега! И неизвестно, от чего он умер! Это край, запредел! А ты мне про то, как это случается. Ведь одно дело – его убили, и совсем другое – он сам хотел умереть и всячески стремился к этому.

– Какое там! Стремился… – гинеколог попытался рассмеяться, но у него не получилось. – Ты помнишь, что он вчера вытворял? Такое перед смертью не вытворяют! Уверен, умереть он не планировал, не улавливалось это по его поведению.

Петр и сам чувствовал, что несет какую-то чушь, но ничего с собой поделать не мог – ему требовалось выговориться. А мозг не успевал оценивать адекватность сказанного. И, подчиняясь неведомой доминанте, он продолжал упорствовать:

– Ты знаешь, он был прекрасный психотерапевт. Таких больше среди нас нет. И обвести всех нас, подвыпивших, вокруг пальца ему ничего не стоило… Кстати, ты был в каюте всю ночь или отлучался? Ну, там, в туалет или еще зачем?

Серж усмехнулся, мотнув головой, дескать, опять ты за свое.

– Иными словами, есть ли у меня алиби? Какое у нас алиби может быть, если мы все в одиночных каютах спим? Я, Алена, Левчик… Кто нас там видит? Это вы с Элкой вдвоем, друг другу можете алиби состряпать. Вот скажу я тебе, что поставил капельницу Леве около четырех, отправился спать. Ты поверишь?

– Зря ты так, – перебил раздраженного однокурсника Петр. – Михась, к примеру, с Царем всю ночь квасили. Кстати, в пять часов ты в туалет выходил? Ну, когда Жорика на палубе с веником видел?

– Нет, покурить! Хватит! То алиби, то суицид… Что ты зациклился на этом? Других тем нет для обсуждения?

– Все мы на чем-то зациклены, Серега, – философски заметил Петр. – Однако скоро приедет полиция, и тогда наши комплексы и зацикленности никакой роли играть не будут.

– Ты прав, всех растолкают по каютам, – подхватил его мысль однокурсник. – И начнется… дренаж брюшной полости. Они, я имею в виду полицейских, медвуз не кончали, юмор наш не понимают, шутки не оценят должным образом. Им многое придется разжевывать. Ведь мы – из другого теста!

– Согласен, ты хочешь сказать, это убийство – чисто медицинское? Это уже попахивает философским открытием.

– Почему бы и нет? Смерть под капельницей. Звучит!

Серж замер, уткнувшись взглядом в одну точку, хотя ее, этой точки, не существовало – вокруг был один сплошной туман.

А Петр вдруг вспомнил непонятный припадок, случившийся с Эллой в каюте, который прошел подозрительно быстро. Не могло ли это быть реакцией на его слова? О чем он говорил перед этим? Однако вспомнить не удалось.

Серж выбросил сигарету за борт, поежился:

– Что-то я замерз, пойду в каюту, погреюсь.

В следующий момент он словно растворился в тумане.

А Петр увидел, как староста вместе с Рябухиным проследовали в каюту Матараса. Сделав глубокую затяжку, он решил осмотреть место еще раз вместе с патологоанатомом, выбросил сигарету за борт и покинул палубу.

Возле каюты увидел заплаканную Алену.

– Петь, как хорошо, что ты здесь, – всхлипывая, почти простонала она. – Посторожи, чтоб никто не мешал Жорику… Пусть посмотрит нормально. Как следует. А я не могу, пойду к себе. Сил нет.

– Да-да, конечно, я посторожу, ступай, – похлопал он ее по плечу. – Держись, Левку не вернешь…

Когда староста ушла, Петр осторожно заглянул в каюту. То, что он там увидел, потрясло: повернув труп на бок, Рябухин прощупывал его позвонки. Видимо, не удовлетворившись простой пальпацией, патологоанатом буквально посадил покойника и какое-то время разглядывал его голую спину.

Не дожидаясь, когда Рябухин его обнаружит, Петр отпрянул и прикрыл дверь. Ему невыносимо захотелось снова курить, он вышел на палубу, начисто забыв об обещании, данном старосте.

Обнаружив Сержа на прежнем месте, удивился. Без труда прочитав мысли коллеги, гинеколог пояснил:

– У каюты стоит матрос. Такой если впустит в каюту, то уже не выпустит. Лучше я еще померзну. Итак, что показывает вскрытие?

– Сейчас Жорка выйдет и все доложит. Если сможет, конечно.

– Что ты имеешь в виду?

Ответил Петр не сразу. Закуривая, почувствовал, как трясутся руки. Как будто это он ввел в капельницу однокурсника яд. Похоже, Жора не меньше его зациклен на десятом позвонке. С какой стати? В его плащ не попадала записка с номером. У него вообще плаща не было – одна куртка.

– Странно как-то он себя ведет. Не как все патологоанатомы.

– В чем заключается эта странность?

Петр не успел ответить: на палубу вышел растерянный и бледный, как плывущий туман, Жора Рябухин. Он схватился за перила и какое-то время не мог

отдышаться. И Петр, и Серж удивились: сказать, что такое воздействие на него произвел труп, было нельзя, так как вскрывать их – его прямая профессия. И тем не менее внешний вид патологоанатома красноречиво свидетельствовал: однокурсник на грани обморока, того и гляди, кувыркнется за борт.

– Жорик, ты в порядке? – поинтересовался гинеколог, обняв того за плечи.

– М-меня к-капитан выгнал из каюты. И опечатал ее.

– Он откуда там взялся? – раздраженно спросил Петр.

– Вообще-то это его прямая обязанность: в случае экстремальных ситуаций на корабле, если пассажирам угрожает опасность. А она, кстати, угрожает! Матом выгнал, мол, наследили, натоптали.

Серж нетерпеливо дернул Жору за рукав:

– Но что-то ты увидеть успел?

– Очень мало, – признался патологоанатом, сделал глубокий вдох и закашлялся. Оглядевшись, он увидел несколько стульев и направился к ним.

Когда все втроем уселись, он продолжил:

– Скажу так, если это именно убийство, то его осуществление возможно только следующим образом. Насколько я помню, Матарас вчера лыка не вязал… Значит, капельница предназначалась для дезинтоксикации. Вначале ставится обычная капельница, вкалываемся в венку… Потом клиент может задремать, что вполне естественно, учитывая количество выпитого, и уже у спящего перекрывается струя, а в резинку вводится, к примеру, миорелаксант.

– Миорелаксант? – удивленно перебил Серж, потом приложил палец ко лбу. – А ведь и правда, хм… я бы не допер. Проще пареной репы, ни к чему извращаться, доставать ту же наркоту или гликозиды.

– И пациент просто перестает дышать, – задумчиво изрек Петр. – Отсюда и гримаса на лице. Он хотел дышать, но не смог. Чудовищная жестокость!

Освенцим!

– Фашизм чистой воды! – заметил Жора. – Он не умер, он погиб смертью храбрых и при этом не особо дергался.

– Кстати, Жора, а не мог он сам… естественной смертью, так сказать?

– Под капельницей-то?

Патологоанатом посмотрел на Петра так, словно тот начал пальпировать печень в левом подреберье.

– Такого не бывает? – осторожно поинтересовался Серж, чтобы как-то заполнить неприятную паузу.

– Как правило, под капельницей умирают от капельницы. Уж простите за тавтологию! Исключения мне не известны.

– Кстати, а где староста? Она его первой обнаружила сегодня. С ней бы не помешало побеседовать, – Серж начал смотреть по сторонам. – Все же первая свидетельница… Давайте поищем.

Перекрестный допрос с пристрастием

Старосту они нашли в ее каюте в состоянии истерики. Она тщетно пыталась накапать себе валериану из закрытого флакончика в стакан. При этом ее тонкие бескровные пальцы тряслись так, что, будь флакончик открытым – вряд ли в стакан попала хотя бы половина капель драгоценной настойки.

Петр с трудом забрал у нее из рук флакончик, открыл его, сам приготовил успокоительное и едва ли не насильно влил в рот старосте.

– Это невозможно, я не верю, слышите?! Галлюцинации, бред! Все в одном флаконе! Этого не может быть, – пролепетала Алена, кое-как проглотив

лекарство. – Лежит, главное, под капельницей, а лицо – как мумия, господи, Левчик… Кто тебя так? Это не укладывается в голове!

– Дыши глубже, Ален, – невозмутимо рекомендовал Рябухин, кое-как протиснувшись в тесной каюте к окну. – Сейчас проветрим, а ты приляг, тебе необходимо отдохнуть.

Нужно признать, что его самого шатало и мутило, он еще не отошел от своего предобморочного состояния. Пару раз его качнуло так, что он едва не рухнул на старосту.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Интубация – введение в трахею дыхательной трубки для вентиляции легких.

2

Мерцать – здесь жаргон – страдать мерцательной аритмией.

3

Пароксизм – сбой ритма сердца.

4

КПВ – катетеризация подключичной вены (вкалывание и установка катетера).

Купить: https://tellnovel.com/mal-cev_aleksey/tayna-rechnogo-tumana

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити